

Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений

Каширский Д.В.

Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва,
Российская Федерация; Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ), г.
Барнаул, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Старосельцева О.В.

Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ), г. Барнаул, Российская
Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

В статье представлены результаты исследования личностных особенностей обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Выборку составили 59 мужчин в возрасте 18—60 лет, средний возраст — 33,7 лет. В качестве группы сравнения выступили 54 мужчины с социально нормативным поведением, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности. Используются методика «Ценностный спектр» Д.А. Леонтьева; тест «Кто я» М. Куна—Т. Макпартленда в адаптации Т.В. Румянцевой; метод мотивационной индукции Ж. Нюттена. Установлено, что для лиц, находящихся под следствием по обвинению в совершении особо тяжких преступлений, личностные ценности присвоены на уровне значений и не выступают в качестве действенных регуляторов поведения и деятельности. Данная категория лиц имеет более узкую (ограниченную периодом одного года) временную перспективу, проблемную и неадаптивную самоидентичность, более низкую в сравнении с нормативной группой выраженность нравственных и образовательных потребностей, а также потребностей в творчестве. На первый план у обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений выходит мотивация самосохранения и автономии личности. Результаты исследования могут быть использованы специалистами при осуществлении следственных действий в отношении рассматриваемой категории лиц, как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства, в том числе приниматься во внимание при проведении судебно-психологических экспертиз.

Ключевые слова: криминальная агрессия, особо тяжкие преступления, ценности, самоидентификация, личностная мотивация, временная перспектива.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

Для цитаты: *Каширский Д.В., Старосельцева О.В.* Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134. DOI:10.17759/psylaw.2021110110

Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes

Dmitry V. Kashirsky

Russian State Social University, Moscow, Russia,
Altai State University, Barnaul, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Olga V. Staroseltseva

Altai State University, Barnaul, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

The article presents the results of examination of personality specifics in the individuals charged with particularly serious crimes. The sample consisted of 59 men aged 18-60, the average age was 33.7 years. At the same time, 54 men with socially normative behavior and with no criminal record served as a comparison group. We used the following: "Value Spectrum" technique by D.A. Leontyev, "Who am I?" test by M.Kuhn & T. McPartland (adapted by T.V.Rumyantseva), Motivational Induction method by Joseph R. Nuttin. It has been established that in persons who were under investigation on charges of particularly serious crimes the personality values have been appropriated at the nominal level and don't serve as effective control of their behavior or activities. This category of persons are distinguished by the following: a narrowed down time perspective of one year, problem and nonadaptive self-identity, less prominent (as compared to the norm group) moral and educational needs and the need for creativity. Persons charged with particularly serious crimes have psychological self-protection and autonomy as their prevalent motivations. The results of the research can be used by experts in their investigative actions with regard to persons under discussion both at the stage of pre-trial investigation and during judicial proceedings, as well as be taken into account at forensic psychological examinations..

Keywords: criminal aggression, particularly serious crimes, values, self-identification, personality motivation, time perspective.

For citation: Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V. Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134. DOI:10.17759/psylaw. 2021110110 (In Russ.).

Введение

Изменения, происходящие на протяжении последних десятилетий в российском обществе, существенно изменили прежний уклад жизни людей и привели к возникновению как позитивных, так и негативных новообразований. Так, за последнее время наблюдаются рост психогенных стрессовых расстройств у населения, повышение уровня насилия и жестокости в обществе. Известно, что когда страна переживает кардинальные реформы, резкие социально-политические и экономические изменения, уровень агрессивности у людей значительно повышается, а насильственная преступность приобретает удручающую динамику. По оценкам Института психологии РАН (2013 г.), «относительно далеких 80-х мы стали в три раза агрессивнее, во столько же раз грубее и совершенно бесцеремонны... Самым убедительным показателем является статистика убийств. По этому параметру мы почти в четыре раза превосходим США и примерно в десять раз большинство стран Западной Европы» [32].

Конечно, за последние годы преступность изменилась, как в количественном, так и в качественном отношении. Например, по данным МВД России с 2014 по 2018 г. наблюдается снижение количества убийств на территории РФ (см. рис.).

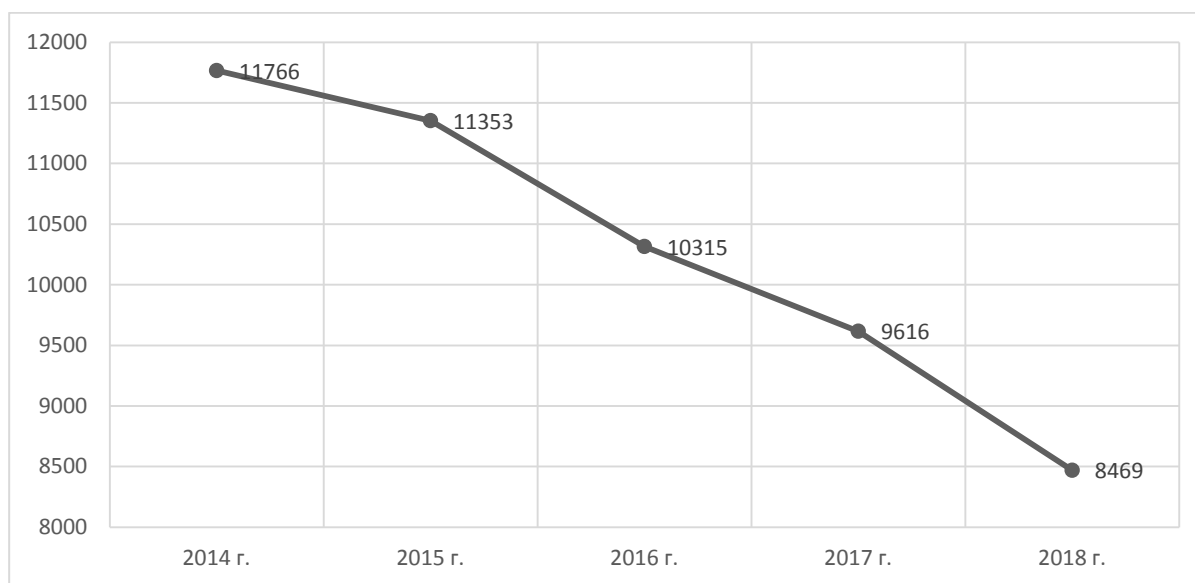

Рис. Динамика убийств в России с 2014 по 2018 г. (ст. 105 УК РФ)

Однако, несмотря на это, проблема насильственной преступности и криминальной агрессии все так же сохраняет свою высокую актуальность, так как имеет первостепенное значение для стабильности общества и счастливой жизни его граждан, вне зависимости от того, о какой стране или каком историческом этапе идет речь, какое количественное или качественное своеобразие она претерпевает. Эти вопросы являются центральными, как для общества, так и для отдельного индивида, поскольку общественный порядок, а также личные права граждан (на жизнь, здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность личных границ и др.) — это то, на чем строится правовое государство, что лежит в основе его оптимального

функционирования и развития.

Противоправное поведение рассматривалось в трудах многих отечественных и зарубежных ученых [1; 2; 7; 9; 12; 15; 18; 19; 21; 27; 29 и др.], в работах которых представлены классификации противоправного поведения, подробно описаны его формы и типы, движущие силы и условия формирования. Достаточно детально изучена мотивация законопослушного и антиобщественного поведения. Особое внимание уделено вопросам преступности несовершеннолетних. Собственно криминальная агрессия не раз становилась предметом специального и углубленного изучения в криминологии, социологии, психологии (Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан, И.С. Кон, И.А. Кудрявцев, Н.А. Ратинова, Ф.С. Сафуанов и др.). В публикациях представлены различные аспекты криминальной агрессии — феномен, причины, условия формирования, психологический портрет преступника насильственного типа, типология криминальной агрессии, возможные пути ее профилактики и др. При этом практически всеми специалистами отмечается высокая роль личностной детерминации в становлении и развитии противоправного поведения и криминальной агрессии.

Проведенный теоретический анализ показывает, что разные авторы, на разном материале изучая различные группы лиц, отличающиеся между собой формами девиантного, делинквентного, преступного или криминального поведения, в качестве базовых предпосылок той или иной девиации выделяют систему личностных детерминант [2; 16; 28 и др.]. Поэтому, обобщая, можно предположить, что в основе криминальной агрессии и насильственной преступности лежат несформированность ценностно-смысловой регуляции поведения [4—6; 8; 10; 11; 13; 16; 17; 20; 22—24; 31 и др.], отрицательная идентичность [3; 10; 11 и др.], узость временной перспективы [4; 5; 11; 20; 25; 26; 30 и др.], низкая значимость потребности в самореализации [11; 14 и др.], стремление к автономии [13 и др.], неуверенность в себе и собственных силах [22 и др.].

Следует заметить, что, несмотря на свою давнюю историю, личностный подход к проблеме противоправного и криминального поведения в современной психологии реализован, на наш взгляд, далеко не в полном объеме и исследование личностных предпосылок преступного поведения в настоящее время сохраняет высокую значимость и имеет большой прогностический потенциал. Дело в том, что изменяющийся социокультурный контекст вызывает к жизни новые типы криминального поведения и качественно новые потребности, мотивы, смыслы, ценности личности. Исторически изменяются и отношения между внутренним строем личности и спецификой преступной деятельности. По этой причине исследования личностной детерминации преступной активности всегда будут сохранять свою актуальность. Особую значимость эти исследования, на наш взгляд, приобретают, в частности, при изучении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, нарушающих базовые права и свободы человека.

Программа исследования

Проведенное нами эмпирическое исследование выполнено на базе отделения судебно-психиатрических экспертиз Алтайской краевой клинической психиатрической больницы имени Ю.К. Эрדмана. В исследовании участвовали лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений и направленные на комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Выборку составили 59 мужчин в возрасте 18—60 лет, средний возраст — 33,7 лет. Среди них: 42 человека, обвиняемые в совершении особо тяжких

преступлений против жизни и здоровья; 17 человек — против половой неприкосновенности несовершеннолетних. По данным экспертизы 25,4% имеют среднюю стадию алкоголизма, 13,6% — диссоциальное расстройство личности, 15,3% — эмоционально неустойчивое расстройство личности, 25,4% — органическое расстройство личности, 20,3% — признаны психически здоровыми. В соответствии с экспертным решением, 100% подэкспертных были признаны виновными в отношении инкриминированного деяния. В качестве группы сравнения были отобраны 54 мужчины, никогда не привлекавшиеся к уголовной ответственности и характеризующиеся социально нормативным поведением.

Цель исследования — выявить личностные особенности обвиняемых в особо тяжких преступлениях.

В основу исследования положена **гипотеза** о том, что для лиц, обвиняемых в особо тяжких преступлениях, характерны сужение и бедность мотивационной сферы, преобладание мотивации самосохранения и автономии, снижение познавательной и трудовой мотивации. Их отличают также несформированность ценностно-смысловой регуляции деятельности, отрицательная идентичность, сужение временной перспективы, размытость планов на будущее.

В ходе исследования был использован следующий набор **методик**: «Ценностный спектр» (Д.А. Леонтьев), тест «Кто я» (М. Кун, Т. Макпартленд в модификации Т.В. Румянцевой), метод мотивационной индукции (ММИ) (Ж. Нюттен). В качестве методов математико-статистической обработки данных использованы χ^2 -критерий Пирсона, U-критерий Манна—Уитни.

Результаты и их интерпретация

Личностные ценности. Методика «Ценностный спектр» Д.А. Леонтьева показала, что лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в сравнении с нормативной группой имеют более идеалистические представления о таких ценностях, как «Любовь», «Труд», «Жизнь». Так, ценность «Любовь» находящиеся под следствием обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений оценивали как более целостную ($\chi^2=13,58$; $p\leq 0,0001$), легкую ($\chi^2=3,44$; $p\leq 0,06$), уникальную ($\chi^2=3,44$; $p\leq 0,06$), простую ($\chi^2=4,77$; $p\leq 0,03$), самодостаточную ($\chi^2=5,28$; $p\leq 0,02$), справедливую ($\chi^2=9,54$; $p\leq 0,002$), упорядоченную ($\chi^2=6,77$; $p\leq 0,009$), завершённую ($\chi^2=8,34$; $p\leq 0,004$). Для ценностной категории «Жизнь» чаще выбирались такие характеристики, как «единство противоположностей» ($\chi^2=11,41$; $p\leq 0,001$), «истина» ($\chi^2=12,84$; $p\leq 0,0001$), «жизненность» ($\chi^2=7,11$, $p\leq 0,008$), «простота» ($\chi^2=7,82$, $p\leq 0,005$), «справедливость» ($\chi^2=5,87$; $p\leq 0,02$), «завершённость» ($\chi^2=6,23$; $p\leq 0,01$). Ценностная категория «Труд» была охарактеризована следующими особенностями: «осмысленность» ($\chi^2=3,53$; $p\leq 0,06$), «целостность» ($\chi^2=7,13$; $p\leq 0,008$), «игра» ($\chi^2=3,86$; $p\leq 0,05$), «полнота» ($\chi^2=13,58$; $p\leq 0,0001$), «истина» ($\chi^2=13,57$; $p\leq 0,0001$), «уникальность» ($\chi^2=19,8$; $p\leq 0,0001$), «самодостаточность» ($\chi^2=11,41$; $p\leq 0,001$), «совершенство» ($\chi^2=4,14$; $p\leq 0,04$). Такие весьма идеализированные представления можно объяснить тем, что ценности любви, жизни и труда для обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений являются, скорее, только известными, т. е. присутствующими в их сознании со своей внешней, «назывной» стороны. Поэтому данные ценности не выступают для рассматриваемой категории людей в качестве действенных регуляторов их поведения и деятельности.

Различия между сравниваемыми выборками установлены и в отношении таких

ценностных категорий, как «Смерть» и «Будущее». Так, лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлениях, для характеристики понятия «Смерть» чаще выбирали следующие описания: «единство противоположностей» ($\chi^2=3,86$; $p\leq 0,05$), «полнота» ($\chi^2=3,86$; $p\leq 0,05$), «простота» ($\chi^2=5,28$; $p\leq 0,02$), «необходимость» ($\chi^2=3,86$; $p\leq 0,05$). Показательно, что «Смерть» как оцениваемая категория получила в группе обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений значимо больше положительных характеристик, чем в выборке с социально нормативным поведением. Смерть для лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, представляется более понятной, менее пугающей, чем суд и длительный срок лишения свободы. «Будущее» для обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений выступало как лишенное целостности ($\chi^2=3,38$; $p\leq 0,06$) и легкости ($\chi^2=5,79$; $p\leq 0,06$). В данной группе оно оценивается не столь оптимистично, чем в нормативной.

Личностная идентичность. По данным методики «Кто я» (М. Кун—Т. Макпартленд, модификация Т.В. Кудрявцевой), обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в сравнении с нормативной группой значимо реже использовали для самоописания индивидуальные характеристики Я ($U=126$; $p\leq 0,0017$), а также характеристики, описывающие коммуникативное ($U=140$; $p\leq 0,036$), физическое ($U=120$; $p\leq 0,001$), деятельное ($U=70$; $p\leq 0,001$) и рефлексивное ($U=121$; $p\leq 0,024$) Я, используя для оценки себя при этом множество социальных ролей («студент», «прохожий», «избиратель», «член семьи», «россиянин»). Полученный результат указывает, что обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в сравнении с нормативной группой менее уверены в себе, в большей степени испытывают опасения в связи с самораскрытием, характеризуются большей выраженностью защитного поведения. Такую позицию, несомненно, усиливает их теперешний статус людей, находящихся под следствием в ситуации стресса и неопределенности (ожидания судебного решения).

Следует обратить внимание на то, что внешние (социальные) характеристики идентичности использовались в самоописании представителями обеих сравниваемых групп. Однако само содержание приписываемых себе социальных ролей в двух выборках было различным. Лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, описывали себя в большей мере с помощью семейных («муж», «сын», «внук» и т. д.), а также этнорегиональных («русский», «татарин» и т. д.) характеристик. Скорее всего, это может быть обусловлено желанием испытуемых примкнуть к какой-либо значимой для них группе (семья или нация). Такая принадлежность может давать, хоть и мнимое, чувство защищенности, которое необходимо, в частности, в стрессовой, психотравмирующей для личности ситуации следствия, помещения под стражу, ожидания суда, нахождения на судебной психолого-психиатрической экспертизе.

Наряду с этим, лица, обвиняющиеся в совершении особо тяжких преступлений, значимо реже в ответе на вопрос «Кто я?» использовали учебно-профессиональные («слесарь», «рабочий», «ученик» и т. д.) характеристики ($U=140$; $p\leq 0,036$). Такой результат объясняется тем, что испытуемые, находящиеся под следствием и обвиняемые в преступлениях против личности, как правило, имели незаконченное среднее или среднее образование (59%), т. е. не обучались ранее какой-либо специальности вообще, в отличие от испытуемых группы с просоциальным поведением, в которой 67% испытуемых имели средне-специальное образование и 25% — высшее. Наряду с этим, лица, находящиеся под следствием, не имели

постоянной работы (37%), либо зарабатывали на жизнь эпизодическим выполнением неквалифицированного труда (34%), в отличие от испытуемых, составивших нормативную выборку, имевших постоянное место работы в 67% случаев.

По данным исследования, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений реже, чем законопослушные испытуемые, использовали в самоописании глаголы ($U=169$; $p\leq 0,048$). Полученный результат может говорить о том, что для данной категории лиц наблюдается значимое снижение активности, самостоятельности, более низкие уверенность в себе и уровень самооффективности в сравнении с нормативной выборкой.

Исследование показало также, что лица, находящиеся под стражей и обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, реже применяли к себе как положительные ($U=133$; $p\leq 0,027$), так и отрицательные ($U=136$; $p\leq 0,027$) идентификационные характеристики, в сравнении с группой с просоциальным поведением. Полученный результат может выступать признаком неадаптивного состояния идентичности участников экспертизы, что находит выражение в импульсивности, непостоянстве, тревожности, депрессивности, ранимости, робости, неуверенности в своих силах, скрытности. В самоописаниях этих людей преобладали нейтральные ответы. Вероятно, это связано с проблемами в самораскрытии и повышенной настороженности лиц данной категории, что особенно проявляется в ситуации следствия.

Испытуемые, составившие нормативную выборку, в своих самоописаниях, напротив, чаще использовали характеристики, относящиеся к коммуникативному, физическому, деятельному и рефлексивному Я. Их самоописания были более дифференцированными и разнообразными, они содержали характеристику себя как субъекта общения («хожу в гости, люблю общаться с людьми», «умею выслушать людей» и др.), включали описания своей внешности и физических данных («сильный», «приятный», «привлекательный»), самооценку знаний, умений, навыков, способностей и достижений («хорошо плаваю», «умный», «работоспособный», «знаю английский» и др.).

Показательно, что лица, обвиняемые в совершении особо тяжких правонарушений, при работе с тестом М. Куна—Т. Макпартленда чаще давали ответы из категории «Проблемная идентичность» («я — ничто», «не знаю, кто я», «не могу ответить на этот вопрос» и др.) ($U=187$; $p\leq 0,063$). Полученные результаты вновь подтверждают тезис о том, что характерными чертами данной группы испытуемых являются значительные трудности в самоописании, самораскрытии, оценке качеств собственной личности, негативное отношение к собственной персоне.

Временная локализация мотивации. С помощью метода мотивационной индукции Ж. Нюттена могут быть получены две категории данных. Первая дает представление о временной локализации мотивации, вторая — о содержательных аспектах мотивации.

Результаты исследования временной локализации мотивации позволяют сделать вывод о том, что лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, значимо реже располагали мотивационные объекты в отдаленных временных периодах: открытое настоящее ($U=96$; $p\leq 0,002$), взрослая жизнь ($U=109$; $p\leq 0,005$), старость ($U=152$; $p\leq 0,015$), прошлое ($U=95$; $p\leq 0,001$), — а также в периодах, непосредственно близких к настоящему моменту: месяц ($U=140$; $p\leq 0,003$), день ($U=160$; $p\leq 0,013$), текущий момент времени ($U=120$; $p\leq 0,001$). Для лиц, находящихся под следствием, наиболее характерна более узкая и ситуативная временная ориентация, ограничивающаяся периодом одного года ($U=91$;

$p \leq 0,001$).

Содержательные аспекты личностной мотивации. Вторая категория данных, полученная при использовании метода мотивационной индукции Ж Нюттена, дает представление о содержании личностной мотивации. По данным исследования, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений статистически значимо чаще, чем группа с просоциальным поведением, демонстрировали проявление мотивации самосохранения ($U=136$; $p \leq 0,031$) и автономии ($U=126$; $p \leq 0,004$). Участники экспертизы демонстрировали стремление оставаться психологически независимыми и испытывали нежелание оказаться в психологической зависимости от других людей.

Кроме того, лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, реже давали ответы из категорий «Способности» ($U=72$; $p \leq 0,001$), «Профессиональная самореализация» ($U=180$; $p \leq 0,048$), «Активность и работа» ($U=150$; $p \leq 0,067$), «Профессиональная деятельность» ($U=120$; $p \leq 0,001$), «Познавательная мотивация» ($U=115$; $p \leq 0,001$). Полученные результаты вполне согласуются с данными, полученными нами ранее при анализе методики «Кто я» М. Куна—Т. Макпартленда. Обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в сравнении с нормативной группой в меньшей степени стремятся к самореализации, к развитию своих способностей, получению знаний, умений, навыков, построению профессиональной карьеры.

По данным исследования, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в меньшей степени склонны отказываться от использования такого копинг-ресурса, как социальная поддержка. В сравнении с нормативной группой они значимо реже давали ответы из категорий «Реципрокная мотивация» ($U=125$; $p \leq 0,007$) и «Цели для других» ($U=124$; $p \leq 0,007$). Полученный результат означает, что испытуемые, находящиеся под следствием по делам об особо тяжких преступлениях, не ожидают, что другие люди вступят с ними в контакт и не высказывают желания, чтобы окружающие поступали подобным образом. Более привычным для них является держаться независимо и обособленно от других людей, не впуская окружающих в свое личное пространство и не дорожа привязанностями. Подобный отказ от социальной поддержки обычно негативно сказывается на социальной адаптации таких лиц и создает напряженность в отношениях с другими людьми.

Лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, как правило, не давали ответов из категорий «Обладание» ($U=103$, $p \leq 0,001$) и «Отдых» ($U=53$, $p \leq 0,001$). По нашему мнению, это связано с актуальной ситуацией нахождения под стражей и судебным следствием, в которой реализация мотивации обладания чем-либо и отдыха резко ограничена, что приводит к снижению ее актуальности. На первый план в таких условиях выходят мотивация автономии и самосохранения.

Еще одной отличительной чертой обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений при заполнении бланка теста ММИ Ж. Нюттена является большее, чем у законопослушных респондентов, количество пропусков ответа ($U=124$; $p \leq 0,007$) и неклассифицируемых ответов («ничего», «не знаю») ($U=119$; $p \leq 0,007$). В данном случае можно говорить о проблемной идентичности, сложности понимания собственной личности, своих желаний и стремлений у лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

Выводы

1. Лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, имеют идеализированные представления о таких понятиях, как «Любовь», «Труд», «Жизнь». Эти

ценности для данной категории людей являются, скорее, только известными, т. е. не участвующими в регуляции поведения и деятельности. Соответствующие представления присутствуют в сознании испытуемых на уровне объективных значений, но не обеспечены субъективными смыслами, не совмещены с эмоциями, т. е. пристрастным отношением субъекта.

2. Образ будущего для обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений характеризуется отсутствием целостности и легкости. При этом понятие «Смерть» представляется для данной категории людей более понятным, менее пугающим, чем суд и длительный срок заключения.

3. Лица, находящиеся под следствием в связи с обвинением в совершении особо тяжких преступлений, имеют более узкую временную перспективу, ограниченную периодом одного года. Отдаленные жизненные периоды будущего, а также временные точки, расположенные в непосредственной близости к настоящему моменту времени («здесь и сейчас»), в меньшей степени представлены в сознании данной категории людей.

4. Личностную идентичность обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений можно охарактеризовать как проблемную и неадаптивную. Данная категория людей чаще испытывают проблемы с самораскрытием, их самоописания менее дифференцированы и разнообразны, содержат нейтральные, формальные характеристики.

5. У обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений менее выражены нравственные и образовательные потребности, а также стремление к творчеству. Их характеризует низкое стремление к профессиональной самореализации, к развитию своих способностей, получению знаний, умений и навыков, построению профессиональной карьеры.

6. На первый план у обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений выходит мотивация психологического самосохранения и психологической автономии. Эти люди не уверены в себе, характеризуются наличием опасений в связи с самораскрытием, выраженной тенденцией к самозащите.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений отличают весьма суженная и бедная потребностно-смысловая сфера, преобладание мотивации самосохранения и автономии, снижение значимости познавательной и трудовой мотивации, низкая выраженность нравственных и познавательных потребностей, а также потребностей в творчестве. Они характеризуются несформированностью ценностно-смысловой регуляции деятельности, проблемной и неадекватной самоидентичностью, сужением временной перспективы личности, размытостью планов на будущее.

Выявленные личностные особенности могут быть учтены при осуществлении следственных действий в отношении данной категории лиц, как на этапе предварительного расследования, так и в ходе судебного следствия, в том числе при проведении судебно-психологической экспертизы.

Литература

1. Айхорн А. Трудный подросток. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 295 с.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

2. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. 248 с.
3. Белобородов А.Г. Образ права как смысловой уровень правового сознания и его особенности у преступников: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. 24 с.
4. Бочкарева Г.Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благоннадежной. М.: Педагогика, 1972. С. 259—350.
5. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 2. С. 58—78.
6. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. М.: Юр. Норма: Инфра-М, 2017. 640 с.
7. Ениколопов С.Н., Забрянский Г.И., Цымбал Е.И., Якутова М.А. Правонарушающее поведение несовершеннолетних: описание, объяснение, противодействие. М.: Новая юстиция, 2005. 208 с.
8. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. Том 2. М.: Мысль, 1965. С. 189—208.
9. Калашикова А.С., Василенко Т.Г. Особенности проявления проагрессивных и ингибирующих агрессию структур у лиц, совершивших агрессивные правонарушения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (дата обращения: 13.03.2019).
10. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2014. 58 с.
11. Каширский Д.В. Субъективные ценности подростков с делинквентным поведением // Психологические исследования. 2013. Том 6. № 32. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.03.2019).
12. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. М.: Медицина, 1979. 608 с.
13. Коньшева Л.П. Личность и ситуация как детерминанты агрессивно-насильственных преступлений // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / Под ред. А.В. Ратинова и др. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 112—141.
14. Котова Э.П. Индивидуально-психологические особенности лиц, совершивших агрессивно-насильственные преступления // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / Под ред. А.В. Ратинова и др. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 57—75.
15. Криминальная мотивация / Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев и др.; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1986. 304 с.
16. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968. 175 с.
17. Кудрявцев В.Н. Социально-психологические аспекты антиобщественного поведения // Вопросы философии. 1974. № 1. С. 106—107.
18. Кудрявцев И.А., Сафуанов Д.С., Васильева Ю.А. Особенности регуляции деятельности психопатических личностей смысловыми (мотивационными) установками // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1985. № 12. С. 1837—1842.
19. Куттер П. Современный психоанализ. СПб.: Б.С.К., 1997. 351 с.
20. Леонтьев Д.А. Структурная организация смысловой сферы личности: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987. 249 с.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

21. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2010. 256 с.
22. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 383 с.
23. Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М.: КРЕДО, 2008. 200 с.
24. Морозин В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности. Томск: Из-во ТГПУ, 2003. 357 с.
25. Ошевский Д.С., Назарова Н.Г. Смысловая сфера несовершеннолетних осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 58—71. <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n4/84505.shtml> (дата обращения: 13.03.2019). DOI:10.17759/psylaw.2016060407
26. Разин М.В. Психологические ловушки контркультуры // Современные тенденции молодежной социализации: наблюдения, оценки, суждения / Под ред. А.Г. Быстрицкого, М.Ю. Рощина. М.: Российский открытый университет, 1992. С. 61—74.
27. Сафуанов Ф.С., Вакэ Е.В. Определение мотивации преступного поведения несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL:<http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/227-safuanov7.html> (дата обращения: 15.03.2019).
28. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
29. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. М.: Центр социологии образования РАО, 2005. 359 с.
30. Фельдштейн, Д.И. Психология развивающейся личности: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. 512 с.
31. Федоров Л.В. Ценностные ориентации личности и их формирование // Вестник Ленинградского университета: Экономика. Философия. Право. 1971. № 5. С. 70—75.
32. Юревич А.В. Сейчас взорвусь [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. № 278 (6254). URL: <https://rg.ru/2013/12/10/portret.html> (дата обращения: 17.03.2019).

References

1. Ajhorn A. Trudnyj podrostok [Difficult teenager]. Moscow: JeKSMO-Press, 2001. 295 p.
2. Antonjan Ju.M., Gul'dan V.V. Kriminal'naja patopsihologija [Criminal pathopsychology]. Moscow: Nauka, 1991. 248 p.
3. Beloborodov A.G. Obraz prava kak smyslovoj uroven' pravovogo soznaniya i ego osobennosti u prestupnikov: Avtoref. dis.... kand. psihol. nauk. [The Image of law as a semantic level of legal consciousness and its features in criminals. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1999. 24 p.
4. Bochkareva G.G. Psihologicheskaja karakteristika motivacionnoj sfery podrostkov — pravonarushitelej [Psychological characteristics of motivational sphere of juvenile delinquents]. In Bozhovich L.I. (eds.) Izuchenie motivacii povedenija detej i podrostkov [Study of motivation of behavior of children and adolescents]. Moscow: Pedagogika, 1972. pp .259-350.
5. Vasil'eva Ju.A. Osobennosti smyslovoj sfery lichnosti pri narushenijah social'noj reguljicii povedenija [Features of the semantic sphere of the individual in violations of social regulation of behavior]. Psihol. Zhurnal [Psychological journal], 1997, T.18. no. 2, pp. 58-78.
6. Enikeev M.I. Juridicheskaja psihologija. S osnovami obshhej i social'noj psihologii [Legal psychology. With the basics of general and social psychology.]. Moscow: Jur. Norma: Infra-M, 2017, 640 p.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

7. Enikolopov S.N., Zabryanskiy G.I., Cymbal E.I., Jakutova M.A. Pravonarushajushhee povedenie nesovershennoletnih: opisanie, ob#jasnenie, protivodejstvie [Delinquent behavior of minors: description, explanation, counteraction]. Moscow: Novaja justiciya, 2005. 208 p.
8. Zdravomyslov A.G., Jadov V.A. Otnoshenie k trudu i cennostnye orientacii lichnosti [Attitude to work and value orientations of the individual]. Sociologija v SSSR [Sociology in the USSR], T. 2. Moscow: Mysl', 1965, pp.189-208.
9. Kalashnikova A.S., Vasilenko T.G. Osobennosti projavlenija proagressivnyh i ingibirujushhih agressiju struktur u lic, sovershivshih agressivnye pravonarushenija [Elektronnyi resurs] [Features of the manifestation of progressive and aggression-inhibiting structures in persons who have committed aggressive offenses. Psihologija i parvo [Psychology and law]. 2013. no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (Accessed: 13.03.2019).
10. Kashirskij D.V. Psihologija lichnostnyh cennostej: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. [Psychology of personal values. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2014. 58 p.
11. Kashirskij D.V. Subektivnye cennosti podrostkov s delinkventnym povedeniem [Elektronnyi resurs] [Subjective values of adolescents with delinquent behavior]. Psihologicheskie issledovanija [Psychological research], 2013, T. 6. no. 32. pp. 8. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 12.03.2019).
12. Kovalev V.V. Psihiatrija detskogo vozrasta [Child psychiatry]. Moscow: Medicina, 1979. 608 p.
13. Konysheva L.P. Lichnost' i situacija kak determinanty agressivno-nasil'stvennyh prestuplenij [Personality and situation as determinants of aggressive-violent crimes]. In Ratinova A.V. (eds.) Nasilie, agressija, zhestokost': kriminal'no-psihologicheskoe issledovanie [Violence, aggression, cruelty: a criminal psychological study]. Moscow: VNII problem ukreplenija zakonnosti i pravoporjadka, 1990. pp. 112 - 141.
14. Kotova Je.P. Individual'no-psihologicheskie osobennosti lic, sovershivshih agressivno-nasil'stvennye prestuplenija [Individual psychological characteristics of persons who have committed aggressive and violent crimes]. In Ratinova A.V. (eds.) Nasilie, agressija, zhestokost': kriminal'no-psihologicheskoe issledovanie [Violence, aggression, cruelty: a criminal psychological study]. Moscow: VNII problem ukreplenija zakonnosti i pravoporjadka, 1990. pp. 57 - 75.
15. Kriminal'naja motivacija [Criminal motivation]. Ju.M. Antonjan, V.V. Gul'dan, V.N. Kudrjavcev, V.V. Luneev i dr. In Kudrjavcev V.N. (ed.). Moscow: Nauka, 1986. 304 p.
16. Kudrjavcev V.N. Prichinnost' v kriminologii [Causality in criminology]. Moscow: Juridicheskaja literatura, 1968. 175 p.
17. Kudrjavcev V.N. Social'no-psihologicheskie aspekty antiobshhestvennogo povedenija [Socio-psychological aspects of antisocial behavior]. Voprosy filosofii [Question of philosophy], 1974, no. 1, pp. 106-107.
18. Kudrjavcev I.A., Safuanov D.S., Vasil'eva Ju.A. Osobennosti reguljarii dejatel'nosti psihopaticheskikh lichnostej smyslovymi (motivacionnymi) ustanovkami [Features of the regulation of the activity of psychopathic personalities by semantic (motivational) attitudes]. Zhurnal nevropatologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of neuropathology and psychiatry. S.S. Korsakov], 1985, no. 12, pp. 1837-1842.
19. Kutter P. Sovremennij psihoanaliz [Modern psychoanalysis]. Saint-Petersburg: B.S.K., 1997. 351 p.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

20. Leont'ev D.A. Strukturnaja organizacija smyslovoj sfery lichnosti. Diss. kand. psikhol. nauk. [Structural organization of the semantic sphere of personality. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow., 1987. 249 p.
21. Lichko A.E. Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov [Psychopathy and character abnormalities in adolescents]. Saint-Petersburg: Rech', 2010. 256 p.
22. Luneev V.V. Motivacija prestupnogo povedenija [Motivation of criminal behavior]. Moscow: Nauka, 1991. 383 p.
23. Mihajlova O.Ju., Celikovskij S.B. Seksual'naja agressija: norma i social'naja patologija [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow.: Publ. «KREDO», 2008. 200 p.
24. Morogin V.G. Cennostno-potrebnostnaja sfera lichnosti [Value-need sphere of personality]. Tomsk: Publ. TGPU, 2003. 357 p.
25. Oshevskij D.S., Nazarova N.G. Smyslovaja sfera nesovershennoletnih osuzhdennyh [Elektronnyi resurs] [The semantic field of juvenile offenders]. Psihologija i parvo [Psychology and law], 2016, T.6, no. 4, pp. 58-71. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n4/84505.shtml> (Accessed: 13.03.2019). doi:10.17759/psylaw.2016060407
26. Razin M.V. Psihologicheskie lovushki kontrkultury [The psychological traps of the counterculture]. In Bystrickogo A.G. (eds.) Sovremennye tendencii molodezhnoj socializacii: nabljudenija, ocenki, suzhdenija [Modern trends of youth socialization: observations, assessments, judgments]. Moscow: Rossijskij otkrytyj universitet, 1992, pp. 61-74.
27. Safuanov F.S., Vaskje E.V. Opredelenie motivacii prestupnogo povedenija nesovershennoletnih v ugovolnom sudoproizvodstve [Elektronnyi resurs] [Determination of the motivation for the criminal behavior of minors in criminal proceedings]. Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. Zhurn [Psychological research: electron. science. journal.], 2009. no. 5(7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/227-safuanov7.html> (Accessed: 15.03.2019).
28. Safuanov F.S. Psihologija kriminal'noj agressii [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.
29. Sobkin V.S., Abrosimova Z.B., Adamchuk D.V., Baranova E.V. Podrostok: normy, riski, deviacii [Teenager: norms, risks, deviations]. Moscow: Centr sociologii obrazovanija RAO, 2005. 359 p.
30. Fel'dshtejn, D.I. Psihologija razvivajushhejsja lichnosti: izbrannye psihologicheskie Trudy [Психология развивающейся личности: избранные психологические труды.]. Moscow: Institut prakticheskoy psihologii; Voronezh: MODJeK, 1996. 512 p.
31. Fedorov L.V. Cennostnye orientacii lichnosti i ih formirovanie [Value orientations of personality and their formation]. Vestnik Leningradskogo universiteta: Jekonomika. Filosofija. Pravo. [Bulletin of the Leningrad University: Economics. Philosophy. Right], 1971, no. 5, pp. 70-75.
32. Jurevich A.V. Sejchas vzorvus' [Elektronnyi resurs] [I'm going to explode]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper], 2013, no. 278 (6254). URL: <https://rg.ru/2013/12/10/portret.html> (Accessed: 17.03.2019).

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

Информация об авторах

Каширский Дмитрий Валерьевич, доктор психологических наук, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация; профессор юридического института, Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ), г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Старосельцева Ольга Владимировна, доцент кафедры клинической психологии, Институт психологии, Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ); медицинский психолог, отделение стационарных судебно-психиатрических экспертиз лиц, находящихся под стражей, Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Ю.К. Эрדмана, г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

Information about the authors

Dmitry V. Kashirsky, Sc.D. in Psychology, Professor, Department of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russia; professor of Law Institute, Altai State University, Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Olga V. Staroseltseva, Associate Professor, Department of Clinical Psychology, Institute of Psychology, Altai State University, Barnaul, Russia; Clinical Psychologist, Office Stationery is Judicial-psychiatric Examinations of Persons in Custody, Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital named after Y.K. Erdmann, Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

Получена 12.04.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 12.04.2020
Accepted 02.02.2021